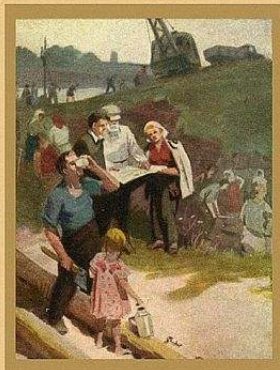

Молодой Ленинград

А Л Ъ М А Н А Х

Советский писатель · 1956

Молодой Ленинград*56

Ленинградское отделение
издательства «Советский
писатель», 1956 г., 292 стр.
Тираж 15 000 экз.
Цена 11 руб. 15 коп.

В составлении и
редактировании сборника
приняли участие:
С. Владимиров, Г. Гор,
М. Довлатова, М. Жестев,
Л. Рахманов, Н. Ходза,
В. Шефнер

Редактор А.А. Троицкий

Оформление: И.С. Серов
Рисунок на обложке:
В.А. Ветрогонский
Иллюстрации: Б. Бельтюков,

В. Вальцефер, В. Звонцов, Н. Куликов, Ф. Махонин, Н. Муратов,
Г. Праксейн, С. Рудков, В. Сердюков

Стихи: Ю. Голубенский, Ф. Нафтульев, Виктор Круглов, Семен Беленький,
Николай Лебедев, Лев Мочалов, Илья Фояков, Владимир Торопыгин,
Людмила Барбас, Нина Королева, Н. Гольдин, Алексей Крючков,
Лев Гаврилов (басни)

Проза: Александр Володин, С. Воскресенский, Рытхеу, Федор Гордеев,
Эдуард Шим, Владимир Афонин, Эмиль Офин, Виктор Конецкий,
Надежда Верховская, Ричи Достян, Виктор Курочкин, Вадим Беляев

Очерки: Александр Силаков, Аскольд Шейкин

Критика и библиография: В. Сойфер, И. Кузьмичев, Е. Калмановский,
Н. Долинина, Н. Королева, М. Капица, Н. Сарафанова, А. Иезуитов

Юрий Голубенский

СЫН

Растает. И в детские голоса
Свой щебет вплетут воробьи...
У мальчика будут твои глаза,
А губы будут мои.

Он с нами пройдет по разным краям,
В пути собирая мечты,
Он будет дороги любить, как я,
И книги любить – как ты.

Он вырастет. Станет в футбол гонять,
Порывист и угловат,
Он будет твоей улыбкой сменять
Мой нахмуренный взгляд.

Когда-нибудь, после суровой зимы,
Он сам зашагает вперед.
Он многое сделает так, как мы,
А многое – наоборот.

В нем будет закалка твоя и моя,
Твои и мои черты.
И все же он будет лучше, чем я,
И даже лучше чем ты.

Илья Фояков

КОСТЕР

Видишь – хвоя зеленой кучей,
Рядом брошены топоры.

Научитесь – на всякий случай! –
На снегу разводить костры

Научитесь: ведь вы же мужчины,
Путь по жизни и прям и крут...

Наколите сухой лучины
До земли растопчите круг.

Огонек – синеватый, слабый –
Заслоните от ветерка

(Здесь удобней шинель была бы,
Но и ватник – сойдет пока).
Теплый пепел, взлетая тучей,
Опускается на ладонь...

Научитесь – на всякий случай! –
Не мигая глядеть в огонь.

Владимир Торопыгин

Жилистый мой дед и седовласый
был крестьянин. Жил в лесах глухих.
Ярославской осенью Некрасов
посвящал ему свои стихи.

Дед избу обхаживал с любовью
весь немалый век свой, день за днем,
только жил под перегнившей кровлей
и за старым, высохшим плетнем.

И стыдился дед перед соседом
за прорехи в крыше и плетне...
Я живу теперь богаче деда:
вся земля дана в хозяйство мне.

И земле я этой отдал много.
Но посмотришь пристально – вдали
Тянется разбитая дорога,
Полоса неподнятой земли...

И за то, что где-то плохо что-то,
дедовский меня съедает стыд.
...Требуя еще немало пота,
Милая земля вокруг лежит.

Александр Володин

С ЧЕГО НАЧАЛОСЬ (отрывок из повести)

За вагонными стеклами вздувалась зеленая земля, яснее ясного говоря о том, что наша планета – шар, а дымные, взброд бредущие по небу облака напоминали, что этот шар окружен атмосферой.

Валя выходила в грохочущий тамбур, неслышно твердила:

– Вороне где-то бог...

Потом в Ленинграде она бродила вдоль сумрачной Зимней канавки, по пустынной набережной Невы, спускалась по каменным ступеням к темной воде.

– Вороне где-то бог послал кусочек сыру...

Возвращалась в здание института, спускалась в столовую по витой лестнице с круглыми окошками, слушала разговоры за столиками.

– ...До двенадцати ночи ждал в коридоре. Идет Вахтангов. Он к нему: «Евгений Багратионович, я принят?» Вахтангов посмотрел по списку: «Нет, вы не приняты». Тогда он побледнел, вскинулся да как крикнет: «Не может быть!» Вахтангов этак прищурился, подумал и говорит: «Я ошибся, вы приняты».

– Дали ей этюд – приготовить яичницу. Она выполнила. Вышла, вдруг влетает обратно: «Миленькие, посолить забыла!»

Потом Валя поднималась в вестибюль, смотрела стенную газету «Путь к сцене»: посещаемость, результаты прошлогодних соревнований по волейболу. Рядом – расписание занятий. Индивидуальное мастерство, ритмика, сценическая речь. На другой стене стенд: «Ведущие мастера театра, окончившие наш институт».

В зале идет консультация. По существу это не консультация, где помогают готовиться к экзаменам, а предварительный отбор перед конкурсом. За столом – комиссия: красивая женщина в синем костюме, голубоглазый молодой человек и за главного – седой мужчина с сухим загорелым лицом.

Перед ними стриженный паренек, напоминающий новобранца на призывном пункте. Он ответил комиссии на какие-то вопросы, вышел на середину сцены.

– Я прочитаю монолог Отелло, – тихо сказал он и начал читать, но тоже почему-то вполголоса.

Консультанты шепотом посоветовались, седой остановил его:

– Спасибо, довольно. Теперь, пожалуйста, басню.

– Ворона и лисица, – сказал новобранец. – Вороне где-то бог...

«...Позавтракать было совсем уж собралась...» – только это место понравилось у него Вале. Он наклонил голову, озадаченно выкатил глаз и стал действительно похож на ворону.

Председатель комиссии подозвал его к столу и что-то, улыбаясь, сказал. После этого новобранец вернулся на свое место, и соседи стали пожимать ему руки – значит, к конкурсу его допустили.

Почти ни одна консультация не обходилась без того, чтобы кто-нибудь не прочитал злополучную басню. Вале была уже ненавистна эта ворона, которой где-то бог...

День проходил за днем, а Валя все не могла решиться выйти на сцену. «Нерешительность граничит с трусостью, а трусость – родная сестра подлости», – вспоминала она любимое изречение Мишки Спирина.

По утрам отправлялась бродить по городу – к мостику с крылатыми львами, в Летний сад.

Дети с тревогой, женщины с иронией косились на девушку в клетчатом платице, которая шла по аллеям, держа пальцы у горла, или, присев на скамейку, горестно запрокидывала голову. «Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу – все равно...»

Наконец она решилась. Пришла к самому началу консультации. У дверей в просмотровый зал стояла и курила маленькая толстая женщина, очевидно чья-то мамаша.

– Пожалуйста, товарищи, кто сегодня первый? – услышала Валя.

Сердце у нее заколотилось, ослабли ноги, стало жарко.

Толстая женщина была последним человеком из этого – спокойного, домашнего, уютного мира.

– Побойте за меня! – прошептала Валя, обняв женщину, и не пошла – ног она не чувствовала, – а проплыла к столу комиссии.

Ей предложили сесть. Ее спрашивали что-то о школе, о ее городе, о городском театре, как будто это имело какое-то значение. Она то и дело откашливалась и не сразу понимала вопрос, ее переспрашивали. В руке она держала чью-то ручку, и перо дребезжало о чернильницу. Седой отнимал у нее ручку, а она снова брала, и ручка опять дребезжала о чернильницу.

Потом за столом комиссии почему-то появилась толстая, уютная женщина, улыбнулась ей и даже, кажется, подмигнула. Но Валя не удивилась. Сейчас все было не совсем реально. Ничто не имело определенно-го смысла само по себе. Все, что с ней происходило, было лишь началом ее счастья или началом ее горя.

– Не смущайтесь, – сказал уютная женщина. – Если мы вас прервем, это значит, что нам все ясно. Давайте начнем с басни.

Валя вышла на середину сцены, остановилась и, случайно опустив глаза, увидела, что пальцы ее по сравнению с голыми до локтей руками, красны. Она заложила руки за спину и сразу почувствовала, как у нее вытянулась шея.

– Мы слушаем вас, – кивнула ей женщина.

– «Ворона и лисица», – сказала Валя, но тут же поняла, что ее не слышно в зале и повторила громче: – «Ворона и лисица».

Вороне где-то бог...

Она знала, что не должна обращать внимание ни на кого. Ни на тех, кто сидит в зале, ни на седого загорелого человека и уютную женщину за столом. Нет, только ворона, одна ворона.

Да призадумалась.

А сыр во рту держала.

На ту беду...

Но она видела всех за столом и чувствовала, что они не понимают, они не могут понять, что значит для нее эта минута. Им скучно, они слышали эту басню тысячу раз...

...Голубушка, как хороша!..

И вдруг Валя увидела со стороны свою улыбку – подобострастную и унижительную, которая означала только одно: «Примите меня! Разве вы не видите, что это для меня значит!» Теперь уже каждое слово, которое она произносила, отдавалось в ней стыдом.

Валю не прерывали. Изо всей силы стиснув за спиной руки, она дочитала до конца.

Уютная женщина что-то чертила карандашом и уже не смотрела на нее. Седой мужчина вежливо сказал:

– Пожалуйста, отрывок.

Судьба ее зависела от Катерины, такой сейчас далекой, будто она осталась там, в родном городе.

– «Куда теперь? Домой идти?..»

От одеревеневших рук напряжение распространилось по всему телу и сковало лицо, шею, ноги. И голос, и рот, и глаза сами по себе, против ее воли, придавали всему, что она делала, что-то чересчур трагическое. Две девушки в первом ряду разом улыбнулись и наклонили головы. Валя отвела от них взгляд, заторопилась. Она знала, что заветное, главное в монологе еще впереди. Но любимые места проходили одно за другим, никто их не замечал. И вот уже: «Друг мой! Радость моя! Прощай!..»

Валя все поняла прежде, чем кто-либо из членов комиссии сказал хоть одно слово. Уютная толстая женщина и красивая женщина в синем костюме, и молодой человек смотрели на нее ласково, соболезнующе.

– Юридически вы можете держать испытания, – сказал седой. – Более того, у вас есть некоторые способности. Но, как опытный в этом деле человек, – не советую. Конкурса вы не выдержите.

Валя вышла из зала.

Тоска сжала сердце и так, не отпуская, повела по светлым улицам.

Она думала не о себе, не о том, что будет делать дальше, а только о матери. Посмотрит она на Валю умными глазами и не скажет ни слова. И не станет напоминать, как отговаривала ее. А только пошутит...